

Итог

Знания связаны с вселенским бытием. Существующую систему вселенского бытия можно объяснить только при помощи сознания. Интересно то, каким образом объясняется само сознание. Складывается такое ощущение, что все вселенское разнообразие является следствием той тяги, которую проявляют сознание в порыве самопознания. Мы ничего не знаем о многообразии сознания. Это почти бесконечное разнообразие, поиск которого наводит на размышление о проблеме причинности. Вопрос о причине остается еще более неясным. Знаменитые философы, даже некоторые священные книги связывают эти вопросы со стремлением Вселенной напомнить о себе или с желанием Бога быть познанным своими рабами. Слово «осознание» мне кажется более чарующим и точнее раскрывающим смысл. Осознание может стать ответом на все вопросы о причине и мельчайшей частицы, и космического бытия. Смысл, который мы вкладываем в осознание, не может быть определен иначе, чем жизнь, и наиболее близкое к точному определению жизни может звучать как «понимание». Но гораздо важнее другое: почему это осознание имеет столь серьезное значение? Даже без осознания мы понимаем, что жизнь возможна, но, пытаясь ощутить это глубже, мы сознаем, что это самое «возможное» не так уж и возможно. Можно даже сказать, что жизненный смысл срока, значения которого на протяжении долгого времени не было осознано, постепенно ослабевает, даже растворяется, и такое явление, как смерть, кажется окончательным осознанием, то есть игрой или мастерством природы, необходимым, чтобы сделать жизнь возможной. Например, наказание в виде обречения на бесконечное существование может чем-то отличаться от трагедии Сизифа (человека, который по воле богов должен был поднять тяжелый камень на вершину горы, но камень при этом скатывался, вынуждая его вновь и вновь волочить его на гору)? Обеспокоенность смертью только поднимает цену жизни, постоянно напоминая о ней.

Знание не может быть ничем иным, кроме как осознанием жизни. Известное есть понятное. Даже если ничего нельзя будет сказать о физических субстанциях, то возникает иллюзия, что в биологических субстанциях живет истинная любовь и это невозможно не прочувствовать. Что касается человека, то любовь как бы реализуется в нем. Очень развитое состояние знания можно охарактеризовать словом «самая лучшая любовь». Но человек – это такое странное существо, которое способно пойти даже на самое страшное искажение и предательство смысла познания. Наиболее верным представляется объяснение этих реалий всеми теми особенностями, которые кроются в сущности, называемой нами «второй природой».

Социология как понятие выросло вместе с европоцентристской цивилизацией. Несомненно, на всем протяжении существования социальной природы развилось множество дисциплин, которые можно было бы назвать социальными науками. Анимизм легко можно назвать доисторической социологией. Разве может считаться настолько примитивным сознанием людей анимизм, являющийся понятием европоцентристской социологии? Кто может дать гарантию, что структура современной социологии, основанной на субъектно-объектной

дифференциации, выше анимизма? Опять же только социологи! Но постепенно становится ясно, что школа учений об одушевленности гораздо ценнее, нежели раздробление на субъект и объект, то есть превращение объекта в неодушевленное существо. Ясно, что характеристика Вселенной, имеющая в виду одушевленность, приведет к гораздо лучшим результатам, нежели ее превращение в неодушевленный предмет. Все научные достижения подтверждают это обстоятельство. Как еще иначе, если не анимизмом, можно объяснить потрясающее и являющееся до сих пор таинственным движение внутриатомных частиц, действительность, в пределах которой не сформировалось хотя бы одно различие? Являясь очень опасной разновидностью метафизики, позитивизм – наука о явлениях – глубоко ранил социологию, как бы он ни стремились представить обратное.

Процесс цивилизации, называемый исторической эпохой, привнес с собой научный способ, развившийся от анимизма до мифологии. Если мифологию нельзя полностью приписать цивилизации, то многие ее стороны носят на себе клеймо таковой. Искажение знаний и проникновение предательства в социологию связано с идеологической гегемонией на всех этапах цивилизации. Монополия власти и капитала, реализуемая над социальной природой, не может существовать без лжи, искажений и предательства по отношению к клятве. Мифология большей частью полна анимизма и драгоценна. Но по мере того, как в обиход входили и сказки о богах и героев как мифологическое отражение системы, сформировавшейся на базе триады иерархии «шаман — правитель — военный вождь», деградация стала неизбежной. С учетом этих двух качеств мифология является достаточно поучительной социальной наукой, и я уверен, что со временем обретет еще большее значение. Она сыграет гораздо большую роль в изучении истории.

Ужесточение мифологии в качестве религии способствовало формированию второго вида социальной науки. Религия, несомненно, базируется не только на мифологическом наследии. У нее есть и свои догмы. Даже если религия и несет на себе тяжелое клеймо цивилизации, осознание религии силами, противостоящими цивилизации, гораздо более прозрачно, а их природная сущность более реалистично. Она является одной из тех, кто проторяет пути к современной науке. В монотеистических религиях также можно проследить отражение обеих противостоящих сил. Если повелевающий, карающий, порабащивающий теологический аспект отражает характер сил цивилизации, то участливый, поощряющий и освободительный — верования и мысли всех тех сил, кто противостоит цивилизации. Средневековье полно таких столкновений между религиями и сектами. Формирование европейской социологии было бы категорически невозможно без этих межрелигиозных и межконфессиональных конфликтов. Задумавшись только о влиянии ислама, мы еще лучше осознаем эти реалии. И еще на протяжении эпох имели место мудрость и философские проблески. Не вызывает никаких сомнений то, что на их основе сформировались ценные источники социологии.

Социальная наука эпохи европейской цивилизации (современности) не только базируется на продуктах исторического наследия, но сама по себе появилась как необходимость, продиктованная великой социальной борьбой. В основе своей она была задумана как дисциплина, решающая проблемы, как некий инструмент. Система безграничной эксплуатации и угнетения, порожденная капитализмом, с самого начала, загрузила кризисами современность. Все науки в целом и, в частности, социальные науки, с одной

стороны, поставлены на службу системе эксплуатации и угнетения, с другой стороны, на долю социальных наук выпала изъяснительная роль, то есть функции по легализации системы. Риторика новых монополий власти и капитала оставила свой отпечаток и на социологии.

Позитивистская социология способствовала изначально ущербному рождению социальной науки. Основной ее заботой было создание на базе Великой Французской революции некой «Республики», которая защищала бы интересы буржуазии. Английские политэкономы стремились к рационализации капитала и его легализации. Немецкие идеологи были заинтересованы в создании могущественного во всех сферах немецкого национального государства. Основатели научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс, шедшие во главе противников системы, на базе трех риторических лозунгов капитала создали науку, внесшую в себе отпечаток пролетариата. Противодействие капитализму и проведенный на этой почве анализ «Капитала» могли бы стать вкладом в социальную науку. Но ограничение капиталом всех исходящих источников и антагонизм системе сделали все произведения системы беззащитными перед современностью. Несмотря на то, что разработки анархистов, касающиеся власти, стали шагом вперед, они все же оставили незаполненной политическую сферу. Невзирая на исследования социальной природы с позиций своих обоих крыльев, европейская социология буквально задыхалась в проблемах, порожденных системой. Европейские социологи посягнули на мастерство в решении проблем кризиса. Весь мир, история оказались на втором плане. Не надо удивляться тому, что социология является европоцентристской. Нельзя было ожидать, что в одно мгновение они избавятся от вековых пут. Самой умной среди них оказалась либеральная идеология, нашедшая пути их интеграции в систему. Либералам удалось нейтрализовать последствия всех революционных действий эпохи и противников системы, включая Французскую и Октябрьскую революции и превратить науку в научную базу власти и капитала.

Но не может быть и речи о том, что европейская современность, являющаяся наиболее эксплуататорской и авторитарной системой в процессе всей цивилизации, полностью уничтожила и заставила замолчать всех противников системы. Параллельно ее развитию, не только на идеологическом, но и на нравственном и политическом фронте, эта система наталкивалась на упорное сопротивление. Противостоящие системе силы обновлялись, по меньшей мере, так же, как и сама система. По мере глобализации системы противостоящая ей система тоже обретала глобальные масштабы. Постепенно разрушалась его гегемония, установленная над наукой. Возникло понимание того, что история может быть только всемирной, а кратковременная гегемония Европы — только частью этой истории.

Французская философия после Второй мировой войны, молодежное движение протеста 1968 года, внутреннее разложение советской системы и банкротство благополучного государства, постмодернистские поиски, ликвидация классического колониализма подготовили почву для начала нового периода в развитии социологии. Эта наука продемонстрировала еще более положительные стороны в плане препятствия позитивизму и поисков истины после освобождения от европоцентризма. Надо, чтобы социология не ограничилась только преодолением кризисов и решением проблем, но и, сделав всю социальную природу, в любое время и в любом месте предметом своих исследований как единое целое, в основе своей возглавила такие базовые, основополагающие науки, как

физика, химия, биология, космология, с одной стороны, и философия, литература, искусство. С другой стороны, надо, чтобы социология сыграла роль царицы всех наук. Генеалогическое древо науки может быть начертано только на базе социологии. В таком случае наука избежит чрезмерного раздробления, и исчезнет опасность, выраженная в сильной абстрактности. Очень большое значение имеет также преодоление, вместе с общим кризисом, и кризиса в области науки. Социология, считающая осмысление жизни свободой, а истину поиском свободы, является незаменимым руководством в просвещении и развитии нравственного и политического общества.

То, что в данном труде я уделяю социологии первостепенное внимание, связано с содержанием труда. Риторика научного социализма, которую я практиковал долгое время, уже казалась мне узкой. Что касается либеральной риторики, то я полностью отрицаю ее. Близкое знакомство с анархизмом оказало положительное влияние на мои взгляды, но этого было совершенно недостаточно для решения стоявшей передо мной проблемы. Очень важным оказался вклад некоторых социологов, и в самом начале я подчеркивал то, что считаю это очень ценным. Все же свой путь я должен был найти сам. Без конкретизации своего собственного понимания социологии было бы неправильно переходить на другие вопросы. Как я уже говорил изначально, то, что я делал, было моим опытом, и этот опыт найдет свое конкретное место в реальности только при помощи критики. Я уверен в том, что ожидания от социологии не имеют ничего общего ни с метафизикой, ни с позитивистской догматикой. Многосторонние познания в сфере социологии нужны мне для того, чтобы не оказаться перед такой опасностью, и быть внимательным и честным в отношении всех заинтересованных лиц. После того, как это было достигнуто, другой главной частью труда стали вопросы демократической цивилизации и современности. То, что я уделил первостепенное внимание социальной проблеме, связано с желанием гораздо лучше познать систему цивилизации и правильно обосновать позиции ее противников. Я уверен, что мне удалось содержательно раскрыть эту проблему. Моя критика в адрес других противников системы ставит целью достижение целостности суждений. Я не только далек от полного отрицания метода обоснования антисистемного характера научного социализма двумя классами, хотя этот метод играет в истории очень узкую роль и отнюдь не в состоянии дать анализ общества — более того, я постарался найти путь решения на основе системы цивилизации, несущей свои воды в виде главной реки уже на протяжении пяти тысячелетий.

Если и искать диалектическое противоречие, в необходимости чего я уверен, то это неизбежно должно происходить в рамках системы цивилизации. Я знаю, что цивилизация стала предметом исследований многих достойных философов и социологов. Моя цель не сводится к тому, чтобы добавить еще одно новое исследование — она заключается в том, чтобы системно и многосторонне обсудить то, что не сделано вообще или сделано половинчато. В этом плане я особенно должен подчеркнуть, что для изучения цивилизации я использовал диалектический метод, использованный К. Марксом для «Капитала». Я был очень взволнован, подумав о том, что как хорошо было бы, если бы этот аспект был реализован самим Марксом, а мы использовали бы его. Но, во всяком случае, самой лучшей поддержкой, получаемой от мастера, является смысл, придаваемый его методу. Насколько успешно я справился с этим, покажет критика заинтересованных лиц и социальная практика. Действительно, цивилизация порождает полюсы, противостоящие группы, как это

указано в «Капитале». Даже противостояние буржуазии и пролетариата может быть только одним из многочисленных противоречий, порожденных цивилизацией. В этом смысле я считаю свой труд не противоречием Карлу Марксу — мне кажется, что наиболее правильным было бы считать это стремлением дополнить и развить мои разработки на базе серьезной критики. То, что я всесторонне упомянул многочисленные ошибки и недостатки (монополии, капитал, государство, идеология, позитивизм, история, цивилизация, рынок, экономика, демократия, революция, социология, в частности, власть, национальное государство, гегемония, системный анализ и т. д.), не должно восприниматься как противоречие. Я считаю, что правильно было бы, отметив заслуги всех остальных течений, противостоящих системе, внести необходимый для этого свой вклад.

В предыдущих разделах труда я постарался в общих чертах обрисовать аннексионистское и эксплуататорское лицо цивилизации (эксплуатация и колонизация). В этих разделах я постарался ограничиться по возможности минимумом повторения этих вопросов и обратить гораздо большее внимание на противоположный полюс, которым является демос, силы демократической цивилизации. Всеми своими силами я постарался раскрыть этот исторический полюс. На мой взгляд, история полна недостатков и ошибок именно в этой части. Опять же, небесполезным оказался взгляд даже в наиболее общих чертах, так сказать, крупным планом. Настоящие столкновения в истории происходят не между господствующими группами цивилизаций, как это зачастую представляют (последним примером является Сэмюэл Хантингтон), а между двумя противоположными полюсами. Безусловно, и между господствующими группами цивилизации происходит немало конфликтов. Монополии постоянно сталкивались друг с другом и конфликтовали «из-за макарон». Но важнее всего то, у кого и как экспроприировались эти «макаронны». Диалектика гласит, что настоящее столкновение происходит между теми, кто производит «макаронны», и теми, кто хочет присвоить себе этот продукт. Пройдясь в общих чертах, я мог только привлечь внимание к этому вопросу, который при помощи очень глубоких исследований становится частью истории. Я так и поступил. Каждый может искать, сколько хочет. Я верю, что результаты не разочаруют никого.

Я постарался уделить всестороннее внимание противникам современной системы. Я сделал это для того, чтобы они правильно определили свое место в новой системе. Необходимо было дать осознанную оценку той неразберихе, которая ускорила с распадом Советского Союза. В той ситуации безнадежность не была нужна. Сторонники социалистической системы и анархисты должны найти в себе умение обновляться. Что касается феминистов и сторонников экологического движения, то они должны знать, что без определения нужной системы, им не удастся развиваться и это приведет к тому, что они будут лить воду на мельницу либерализма. Без политических принципов и систематической деятельности нельзя было достичь никакой цели. Скорее всего, их больше всего ждет участь сторонников социалистического лагеря и анархистского движения. Я уверен в том, что конструктивно подошел к культурным движениям. Очень важным было демократическое содержание этих движений, стремившихся освободиться из тисков национального государства — они могли бы сыграть историческую роль в современной демократии.

Я постарался подойти к проблемам и задачам реорганизации современной демократии и с аналитической точки зрения, и конструктивно, то есть в тесной связи теории с практикой.

Уверен, что мне удалось успешно представить достигнутые результаты в виде поразительных принципов. Ясно, что современная демократия не была представлена ни как поиск золотой эпохи прошлого, ни как утопический проект будущего. Есть достаточно много противоречащего системе материала. Но нет самой системы. Я верил, что необходимо привязать тему к достаточно прозрачным понятиям. Не столь важным было само название «современная демократия» – важнее было содержание этого понятия. Систематизация была строгой необходимостью; в противном случае не ушли бы дальше философии несчастья, иными словами, философия неизбежно превратилась бы в несчастье. Аналитические рассуждения имели цель прояснить эту ситуацию и исправить ее. Что касается задач в интеллектуальной, нравственной и политической сферах, то я постарался определить их для дальнейших практических решений. И в этих сферах широко распространилась неразбериха. Я уверен в том, что мной было достаточно ясно определено то, каким образом необходимо подойти к практическим действиям. В частности, я верю в то, что принципиальные перечисления способствуют новым творческим поискам в практической сфере.

Другой важный аспект данной деятельности связан с характером фундаментальной единицы исследования. Позитивистская социология всегда давала общий ответ на этот вопрос, превращая общество в один из многих объектов природы. Научный социализм, являясь «левым» отражением социологии, достаточно четко сформировался в качестве более жесткой и позитивной науки. Вкладом научного социализма является то, что он классифицировал общество в соответствии со способами производства. Универсалистский, прогрессивистский позитивизм, развивающийся по прямой линии, был применен сторонниками научного социализма в качестве абсолютной и подтвержденной истины. Именно таким образом появились первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и социалистически-коммунистическая формации. Есть в этом и доля фатализма. Как бы то ни было, рано или поздно очередь дошла бы до социализма. Такой метод изобиловал догматическими аспектами. Результаты подхода ко всем социальным аспектам деятельности с позиций подобного мышления оказались гораздо сложнее, чем это предполагалось. В итоге был реализован не социализм, а глобальный капитализм, который они очень критиковали, но, сами того не понимая, оказали ему огромную услугу. Во всяком случае, эту истину подтверждает пример государственного капитализма в России, который, по меньшей мере, на века продлил жизнь системы.

В своем труде я остановил выбор на нравственном и политическом обществе, которое, на мой взгляд, является основной формой существования социальной природы, «второй природы», являющейся фундаментальной единицей исследования, что я постарался подтвердить и охарактеризовать. Даже если такие постоянно и разнообразно развивающиеся в любом обществе явления, как способ производства, класс, государство, идеология, техника, ставшие моими доказательствами (аргументами), и имеют долю реальности, все равно они не обладают тем весом, который позволял бы им стать основным предметом исследования.

Что касается анализа мира как системы и анализа цивилизаций, я подверг их критике в виде одностороннего закрытого лагеря. Я постарался показать и рассмотреть то, что человек на протяжении всего периода существования своего вида будет проявлять все свои

качества, будет обязан жить, а социальная природа — это нравственное и политическое общество и никогда не прекратит быть таковым, а если откажется от своего предназначения, все общество разобьется на части и распадется. В течение всей истории цивилизации нравственное и политическое общество подвергалось постоянному искажению в сетях капитала и власти, подвергалось разрушению и разложению. Но, несмотря на это, общества всегда находили свой собственный путь, защищали, пусть и слабо, свои нравственные и политические особенности, старались дать достойный ответ или жить в состоянии борьбы, что я попытался доказать на целом списке примеров. Я постарался всесторонне проанализировать следующий факт: несмотря на то, что сети капитала и власти капитализма (национальное государство, индустриализм, в частности, средства массовой информации, эклектическая идеология, организации безопасности, внутренняя колониальная политика, чрезмерная нагрузка на женщин и т. д.), опутавшие современность, проникли во все, самые узкие щели общества, они в той же пропорциональности способствовали возникновению реакции, зарождению очагов сопротивления во всех социальных единицах и личностях, возникновению жизненных альтернатив. Нравственное и политическое общество, конечно же, не было стабильно, но продолжало свое развитие еще с доисторических времен.

Наличие кланов, родовых сообществ, семьи, конфедераций племен, стремление к иерархии, раздробление государства, переход от сельской общины к городам, национально-индустриальному обществу — эти процессы, протекавшие в форме поляризации той или иной степени, имели непрерывный характер. Что касается процесса цивилизации, то я постарался внести свою лепту во взгляды, фиксирующие непрерывный процесс в форме кризисов «центр-периферия», «гегемония-конкуренция» и «подъем-упадок». Я постарался проанализировать и решить, теоретически и практически, вопросы, связанные с тем, что, несмотря на все эти процессы, нравственное и политическое общество никогда не перестанет существовать, постоянно будет защищать свои тенденции к свободе, равенству и демократии. Эти особенности обретут максимум жизненных ценностей благодаря осознанию и тесно переплетенному исполнению интеллектуальных, нравственных и политических задач.

Я также постарался всесторонне проанализировать и решить вопрос, связанный с тем, что в противовес утверждению современного капитализма на почве капитала, индустриализма и национального государства современная демократия смогла утвердиться в качестве демократической коммуны, экоиндустриальной и демократической нации. Я постарался охарактеризовать демократические коммуны не как однородное общественное однообразие, а как сообщество, количественно увеличивающееся от одного до миллионов людей. Я подчеркнул качественные характеристики нравственного и политического общества (это женские и мужские сообщества, спорт, искусство, индустрия, интеллектуалы и пролетариат, родовые сообщества и компании, семья и нация, село и город, местное и всемирное, клан и мировое сообщество). Я охарактеризовал экоиндустриальное общество и сельскую земледельческую общину как экоиндустриальные сообщества, взаимосвязанные друг с другом и конкретно настроенные на сохранение экологии. Что касается демократической нации, то я проанализировал и охарактеризовал ее как новый тип нации, который в рамках демократической конфедерации, являющейся основной политической формой существования общества, в виде демократических, автономных политических

образований будет сформирован различными культурными сообществами — городскими, местными, региональными и национальными. Полиидентичная, поликультурная и многокрасочная в политическом отношении нация сможет противостоять национально-государственному чудовищу.

Я постарался в глубокой и повторяющейся форме подчеркнуть то, что объединение исторического наследия современной демократии на основе данных структурных формирований с опытом всех современных противников системы приведет к очень глубокому конструктивному выбору и дальнейшему развитию.

Я также постарался проанализировать поляризацию цивилизации и современности, в частности, с точки зрения возможностей конфликтов и мира, исключая угнетение и эксплуатацию. Оценка возможностей и условий мира, который может быть сохранен, представляет собой важную тему и требует большой деликатности и тонкости. Известно, что процесс развития цивилизации обладает богатейшим наследием. Было также очень много периодов и акций, которые свидетельствуют о том, что миру уделялось более важное место, нежели войне, и мир благословлялся и обожествлялся. В современных условиях мир и война сосуществуют в состоянии едва ли не тесной сопряженности. В частности, осознание того, что вместо диалектического мировоззрения, направленного на уничтожение, возможно мировоззрение, направленное на взаимную поддержку, подтверждает тот факт, что диалектический процесс развития сам по себе не может быть ни сугубо разрушительным, ни сугубо созидательным. Сосуществование этих двух ипостасей в форме широкой панорамы мировоззрений может внести достойный вклад в развитие и стать его конструктивным элементом. Природные реалии могут быть восприняты гораздо лучше и правильнее ни при помощи дарвинистской философии естественного отбора, что является пережитком «дикого капитализма», ни при помощи старых метафизических шаблонов на тему бесконфликтного сосуществования, а, напротив, при помощи постоянно развивающейся науки, демонстрирующей очень богатое, острое и конструктивное содержание.

Насколько неверным является представление мирного процесса в виде исключительно эволюционистского явления, настолько же неверным является представление о том, что одна война порождает другую. Войны, происходящие между монополиями капитала и власти, обусловлены стремлением увеличить или уменьшить количество имеющегося товара. Это не имеет ничего общего с миром. Истинный мир основан на принципе взаимного признания двумя противостоящими силами цивилизации фактов существования, идентичностей друг друга и права каждого на самоуправление. Это широкая панорама, включающая два противостоящих класса, разнообразные племена, народности, нации, слои, религиозные общины, культурные течения, экономические группы. По мере того, как будет осознано, что столкновения приносят сторонам больше вреда, определится возможность мира. Истинный мир может восторжествовать только в результате диалога и стремления к согласию. Известно, что множество конфликтов, как местного, так и глобального характера, и внутри нации, и на межнациональном уровне, увенчалось миром. Очень важно договориться на условиях, дающих возможность сохранения идентичностей и достоинства сторон. Если таковое состоится, то станет возможным мир между обществами, группами и даже личностями на всех уровнях и в любом объеме.

Стараясь проанализировать пяти тысячелетнюю историю цивилизации как противостояние двух полюсов, мы понимаем, что в таком биполярном состоянии жизнь продолжится еще долгое время. Невозможно, чтобы противостоящие полюсы в краткий срок ликвидировали друг друга. Более того, это не представляется реальным с диалектической точки зрения. Поспешность, проявленная в этом плане социалистической системой, обернулась тем, что, не проанализировав цивилизацию и современность, она стала испытывать новую систему, что и привело к ее распаду. Очень важно видеть эту полярность во всех теоретических и практических действиях, не раствориться в недрах господствующего эксплуататорского полюса, при помощи созидательной деятельности постоянно развивать демократическую цивилизацию и современность в качестве собственной самобытной систематики. Насколько нам удастся развить собственную систему при помощи всех революционных и эволюционных методов, настолько же мы сможем положительно проанализировать и увековечить такие вопросы, как «время» и «место».

Современная демократия является такой системой, все элементы которой гармонируют с настоящим миром. Мировоззрение демократической нации при помощи своей открытости, распространяющейся от мельчайшего национального сообщества до мировой нации, формирует мирный выбор, имеющий высокую ценность. С одной стороны, при помощи экоиндустриального метода, а также продуктивного применения индустрии внутри общества открывается путь к решению таких тяжелых социальных проблем, как безработица, бедность и голод, являющихся следствием войны, развязанной современностью против общества. С другой стороны, положив конец войне, развязанной против общества, реализуется мир между обществом и окружающей средой. Что касается такого элемента, как демократическая коммуна, то она, предоставляя всем единицам и личностям общества возможность стать нравственным и политическим обществом, демонстрирует наиболее радикальный мирный подход. Ясно, что если современная демократия развивается как система, то еще больше возрастает возможность прочного и справедливого мира.

По данному вопросу я должен еще раз высказать и предупреждение, и извинение. Я ставлю на одну и ту же синонимическую ступень нравственное и политическое общество, демократический коммунизм и демократию. При необходимости, во имя смыслового богатства я обращался ко всем трем понятиям. Ясно, что нравственное и политическое общество на почве демократической коммуны больше ассоциируется с демократическим социализмом, социальным равенством, а на почве различий — с равенством. Представление о равенстве на почве различий отличается от единообразной трактовки, свойственной лагерю социализма. Для привлечения внимания я счел важным назвать это «социализмом Фараона». При помощи понятия «демократическое общество» я постарался подчеркнуть характер нравственного и политического общества, включающего в себя и равенство, и свободу. Не стоит отождествлять эти, несомненно, синонимичные понятия. Под синонимичностью я имею в виду богатство — отождествление обедняет. Призывая всех заинтересованных лиц воздержаться от противоречий, связанных с использованием данного понятия, встречающегося очень часто, я, вместе с тем, должен принести свои извинения по поводу того, что не смог развить другую терминологию. Надеюсь, что будет проявлено понимание.

В противовес трем основным элементам современного капитализма (капитализм, индустриализм и национальное государство) я не ограничился такими характеристиками современной демократии, как «демократическое общество», «экоиндустриальное общество» и «демократическая конфедерация», базирующимися на трех основных элементах, каковыми являются нравственное и политическое общество, демократическая коммуна, демократический социализм. Как уже пытался показать в соответствующей главе, моей целью была подача более широких понятий. Двенадцать основных элементов, перечисленных мной применительно к социальной проблеме, одновременно раскрывают двенадцать конструктивных характеристик современной демократии.

Я неоднократно отмечал, что данный труд может быть опубликован под названием «Социология свободы». Стараясь дать определение социальной науке, я особо подчеркивал, что основной целью должно быть развитие выбора свободы. Впрочем, присовокупив к этому, что решение проблемы является в определенном смысле достижением свободы, я уверен, что нет никаких препятствий для названия социальной науки в пределах ее задач «Социологией свободы». Ясно, что было бы очень справедливо опубликовать под этим названием, по меньшей мере, значительную часть труда, раскрывающую все социологические изыскания в масштабе решения проблем и развития в рамках всего жизненного разнообразия. Несомненно, содержание социологии не ограничивается свободой. Известно, что она должна заниматься сложной социальной панорамой (доисторическое общество, иерархия, класс, государство, город, цивилизация, капитал, экономика, власть, демократия, искусство, религия, философия, наука, политика, война, стратегия, организация, структуризация, идеология, экология, наука о женщине, теология, эсхатология и т. п.). Однако обстоятельство, которое я постарался особенно подчеркнуть при помощи этого труда, заключается в том, что исследование и изучение нравственного и политического общества посредством его разделения на множество частей таит в себе серьезные проблемы. Я постарался высказать свое мнение о том, что это чревато скорее негативными, нежели позитивными результатами. Я также подчеркнул, что искренне присоединяюсь к тому, что метод изучения и исследования социальной природы в ракурсе историчности и целостности является наиболее правильным.

Завершая данный раздел своей Защитной речи, я хотел привести два выражения Сократа и Зороастра. Как известно, Сократ частенько использовал выражение «познай себя». Видимо, этим он хотел подчеркнуть то, что человек, не познавший себя, не сможет ничего изучить и познать. Я верю в то, что человек является обобщением той реальности, которая распространилась по всей Вселенной, начиная с момента Большого Взрыва, который, в соответствии с утверждениями науки, имел место, по меньшей мере, пятнадцать миллионов лет тому назад. Я ощущаю и знаю это. В данном смысле самопознание — это познание Вселенной. В частности, в своем знаменитом труде Сократ говорит не о богах Афин (как утверждают, он отрицал это), а о “демонах (гениях)” — временами посещавших его духах вдохновения. Самопознание возможно посредством ощущения и внутренней концентрации. Это своего рода учение и благовещение в стиле пророков. Ясно, что этот стиль обучения гораздо прогрессивнее идолопоклонничества. После того, как моя сила ощущения или мои «демоны» предупредили меня о том, чтобы я «нашел в себе все то, что ищу», я не удержался от того, чтобы не написать эти строки именно в таком виде.

Суждения Зороастра были более впечатляющими. Согласно преданию, Зороастр услышал голос в тот момент, когда солнце взошло на вершине горячо любимого им Загроса. И тогда он крикнул в ответ на прозвучавший голос: «Скажи, кто ты?». Это истолковывается как своего рода встреча и стремление рассчитаться с богом. Я же уверен в том, что он, ориентируясь на многолетние идеи свободы народа Загроса, свел счеты с бытием шумерских богов-царей. Поставив под вопрос святость этих богов-царей, олицетворявших своего рода всю цивилизацию, он осуществил нравственную революцию по Зороастру. Это и есть революция в форме дилемм «свет-тьма», «добро-зло».

Я категорически презираю любого рода преувеличения, связанные с моей личностью. Я страстно хочу быть понятым и стать другом в первоначальном значении этого слова. С каждым днем я все лучше и лучше понимаю, что моя личность, которая жизнь воспринимала в ракурсе простоты как ритуала-веселея дружбы, отторгал всех тех, кто нападал на меня. Ко всем, кто нападал на меня, я обращался с вопросом несколько зороастристского характера: «Кто вы?». Можно сказать, что эти слова отражают, с одной стороны, обретенное мной в результате самопознания, с другой – накопление мной знаний, сформировавшихся благодаря этому вопросу.

Мой самоанализ и анализ всего святого, что существует в цивилизации и облачено в тысячи одеяний, является анализом тяжелых условий. В то время, как святость цивилизации, не признавая никаких нравственных и политических границ, старается подмять меня под себя, я с помощью этих слов вновь призываю их к ответу. Именно это после ареста и заточения в одиночной камере дало мне возможность глубже познакомиться с моим нацией, традициями, народом, регионом, человечеством и Вселенной. Ознакомление означает познание. А это — умение жить без страха, ощущая жизнь во всем ее богатстве и активно защищая ее!

Версия #1

Зверобой создал 15 января 2026 00:27:12

Зверобой обновил 15 января 2026 00:33:35